

Он так ее комментирует (даю в переводе): «На самом деле он не представляет эту богиню ужасной, но противной и отвратительной». В противоположность этой поэтической неудаче он приводит стихи Гомера как пример истинно величественного изображения. Не фиксируя предшествующего рассуждения, Ломоносов восторженно оцененные четыре строки переписывает (353), как и следующие две цитаты из Гомера. Конспект, в котором Ломоносов с особым интересом переписывает стихотворные переводы античных поэтов и драматургов, как мне кажется, убедительно свидетельствует о том, что воспринимал он Буало как поэта, а не как педанта-теоретика. И у него находил иногда Ломоносов ключ к загадкам создаваемого им поэтического стиля.

В заключение было бы несправедливо обойти молчанием очень основательную книгу А. М. Пескова «Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в.» (1989), хотя Ломоносов в ней появляется как третьестепенный персонаж. Но эта книга ретроспективно помогает понять в свете позднейшего интереса к Буало в литературе начала XIX века, как мог французский поэт помочь формированию поэзии на русской почве.